

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

С.С. Глаголев

Происхождение жизни

Опубликовано:

Христианское чтение. 1898. № 10. С. 477-490.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Происхожденіе жизни.

V¹⁾.

Найти естественное происхожденіе растений, животных и человѣка не можетъ современная наука, и занятія ученыхъ этою біологическою проблемою представляютъ собою безплодную трату времени. У науки есть много ближайшихъ, нерѣшенныхъ задачъ, безъ рѣшенія которыхъ немислимо научное рѣшеніе этой послѣдней задачи. Но скажутъ: эта задача очень важна, она должна быть непременно предметомъ изслѣдованія. Пусть такъ! Пусть ее будутъ изслѣдовать. Пусть завтра всѣ антропологи, зоологи и ботаники міра примутъ, какъ несомнѣнный фактъ, что и человѣкъ и щука и папоротникъ произошли естественнымъ путемъ изъ неорганическаго вещества. Будетъ ли это признаніе имѣть благотворное вліяніе на развитіе науки? Оно не будетъ имѣть никакого. Ни одинъ натуралистъ не измѣнитъ своихъ методовъ изслѣдованія, ни для одного фізіолога не станутъ яснѣе процессы роста и питанія и не для какого палеонтолога не облегчится дѣло отыскиванія и возстановленія исчезнувшихъ видовъ. Допустимъ обратное, допустимъ, что завтра всѣ увѣруютъ, что жизнь своимъ первоначальнымъ происхожденіемъ обязана Божественному творческому акту. Стѣснить ли это вѣрованіе натуралиста въ его изысканіяхъ? Думаемъ, что ни одинъ ученый не сдумѣетъ доказать этого. Въ прошедшемъ, мы видѣли, признаніе естественнаго происхожденія жизни не принесло никакихъ положительныхъ результатовъ наукѣ, но со-

¹⁾ См. сентябрьскую кн., вып. IX, 1898 г.

мнѣніе въ тѣхъ фактахъ этого происхожденія, на которые ссылались, породило науку о микроорганизмахъ, кромѣ теоретическаго интереса приобрѣтшую важное практическое значеніе. Не наукѣ нужно признаніе естественнаго происхожденія жизни, а матеріалистической философіи. Показать, что все разнообразіе жизни, которое открывается на нашей планетѣ, есть только плѣсень, образовавшаяся изъ неорганическаго вещества земли подъ воздѣйствіемъ солнечныхъ лучей, и установить, что эта плѣсень исчезнетъ, лишь только солнце перестанетъ грѣть землю, значитъ провозгласить торжество матеріализма и поставить крестъ надъ самыми дорогими вѣрованіями человѣчества. Удалось ли это сдѣлать наукѣ и нужно ли ей это дѣлать? Отвѣтимъ послѣдовательно на оба эти вопроса.

Ученіе о естественномъ происхожденіи растительной жизни ставитъ современныхъ ученыхъ въ положеніе, которое логика издавна называла логическимъ кругомъ. Дарвинистическая гипотеза происхожденія видовъ имѣетъ своимъ постулатомъ естественное происхожденіе жизни на землѣ вначалѣ, но не только не требуетъ постояннаго самозарожденія, напротивъ очень охотно готова отрицать его. На самомъ дѣлѣ гипотеза претендуетъ истолковать весь органическій міръ, какъ одно родословное дерево, представить, что всѣ бывшія въ прошедшемъ и существующія въ настоящемъ человѣческія расы и семейства животныхъ и растений произошли отъ одного жизненнаго начала. Гипотеза постояннаго самозарожденія разрушаетъ въ конецъ это стройное и удобное представленіе, она ведетъ къ признанію, что современный органическій міръ произошелъ отъ многихъ неродственныхъ между собою корней. Находя для себя неудобнымъ это признаніе, дарвинисты охотно отрицаютъ гипотезу постояннаго самозарожденія. Но здѣсь представляется слѣдующая трудность: отрицаніе постояннаго самозарожденія влечетъ за собою, какъ неизбѣжное логическое слѣдствіе, отрицаніе первоначальнаго самозарожденія. На самомъ дѣлѣ современныя геологія и біологія имѣютъ своимъ принципомъ истолкованіе явленій прошедшаго изъ тѣхъ условій и факторовъ, которые дѣйствуютъ въ настоящее время. По отношенію къ вопросу о возникновеніи жизни современная наука имѣетъ основанія утверждать, что въ прошедшемъ было время существованія неблагоприятныхъ условій для ея возникновенія (высокая температура), но не можетъ сказать, чтобы когда-либо для этого возникновенія су-

ществовали болѣе благопріятныя условія, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ теперь. Слѣдовательно, если самозарожденіе существовало когда-либо въ прошедшее время, то оно должно существовать и въ настоящее, а если его нѣтъ въ настоящемъ, то его никогда не было и въ прошедшемъ. На этотъ силлогизмъ дарвинистамъ указывали уже десятилѣтія ¹⁾). Нельзя сказать, чтобы они справились съ нимъ, по болѣшей части они предпочитаютъ помалкивать о немъ, но если они не считаютъ нужнымъ и важнымъ распутаться въ немъ, то тѣмъ менѣе, конечно, важнымъ для развитія науки они должны признать немедленное провозглашеніе истины естественнаго происхожденія растительной жизни. Мы не говоримъ, что этотъ силлогизмъ имѣетъ сокрушающую силу для положительнаго рѣшенія вопроса о происхожденіи жизни; нѣтъ, его можно оспаривать. Можно говорить, что законы бытія намъ извѣстны очень мало, что физическія условія прошедшаго не изучены и неизвѣстны такъ детально, чтобы можно было рѣшительно утверждать, что они въ прошедшемъ были тѣже, что и въ настоящемъ, что какое-нибудь благопріятное условіе для возникновенія жизни не выпало потомъ изъ числа геологическихъ факторовъ въ область небытія. Можно утверждать совершенно противоположное. Можно говорить, что самозарожденіе происходитъ постоянно и непрерывно, но что самозарождающіеся организмы столь малы, что изслѣдованіе ихъ не доступно ни въ какой микроскопъ, что образованіе ихъ изъ неорганическихъ соединений происходитъ чрезвычайно медленно и что только въ теченіе тысячелѣтій путемъ эволюціи отъ нихъ могутъ происходить организмы въ родѣ микрочотъ и бактерій, доступныхъ вооруженному наблюденію. Могутъ сказать, что это предположеніе не противорѣчитъ дарвинизму, что вслѣдствіе сродства образующихъ условій самозарождающіеся организмы всѣ являются подобными между собою protozoa или схиномицетами, и что сходные факторы затѣмъ образуютъ изъ нихъ сходные типы животной и растительной жизни. Можно составлять и иныя предположенія. Но это открывающееся широкое поле возможностей вовсе неутѣшительно. Всегда, чѣмъ меньше изученъ фактъ, тѣмъ больше истолкованій онъ допускаетъ. Чѣмъ больше и глубже мы изучаемъ явленіе, тѣмъ меньше это изу-

¹⁾ Милославскій. Къ вопросу о произвольномъ зарожденіи, *op. cit.*

ченіе можетъ уживаться съ невѣрными гипотезами о его сущности и свойствахъ, ошибочныя представленія отпадаютъ одно за другимъ по мѣрѣ того, какъ оказываются въ противорѣчіи съ тѣмъ, что представляетъ дѣйствительность и въ концѣ концовъ оставляютъ мѣсто одному истинному истолкованію явленія. Въ вопросѣ о происхожденіи жизни дѣйствительно извѣстнымъ оказывается только то, что жизнь происходитъ всегда отъ подобной же жизни, но тайна этого происхожденія по преемству еще совершенно не разгадана. Между тѣмъ, оставляя въ сторонѣ эту тайну, ученые дѣлаютъ еще два предположенія, что отъ жизни можетъ происходить и неподобная ей жизнь, что непредѣльная измѣнчивость типъ потомковъ можетъ сдѣлать совершенно непохожимъ на типъ предковъ и что жизнь можетъ возникнуть и не отъ жизни, неорганическое вещество можетъ превратиться въ организмъ. Первая изъ этихъ гипотезъ имѣетъ за собой нѣкоторыя основанія (измѣнчивость существуетъ и не доказано, чтобы она имѣла предѣлы), вторая не имѣетъ никакихъ. Къ ней приводитъ такой силлогизмъ: на землѣ никогда не существовало организмовъ, затѣмъ они появились. Нельзя допустить, чтобы они возникли вслѣдствіе чуда: чудесъ не бываетъ, и въ нихъ вѣрить только невѣжество, слѣдовательно организмы естественнымъ путемъ образовались изъ неорганической матеріи. Такимъ образомъ гипотезу самозарожденія рождаетъ чудобоязнь, а не научныя изслѣдованія.

Въ вопросѣ о происхожденіи психическаго начала животныхъ и человѣка чудобоязнь идетъ еще далѣе. Естественное происхожденіе растений она утверждаетъ, не имѣя за собой фактовъ, матеріалистическое происхожденіе души она утверждаетъ вопреки фактамъ или—что въ логическомъ отношеніи еще хуже—вопреки ея же признаваемымъ теоріямъ. Страдающая чудобоязнью философія мыслитъ матерію, какъ совокупность атомовъ. Но будетъ ли она надѣлять эти атомы психическими свойствами или нѣтъ, она несомнѣнно не будетъ въ состояніи объяснить изъ ихъ сочетаній происхожденіе ощущеній у животныхъ и человѣка. Въ томъ пунктѣ, гдѣ находится два атома, притяженіе дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ если бы тамъ былъ одинъ, но сознаніе и способность ощущеній у комнаты нисколько не увеличится, если мы вмѣсто одного человѣка помѣстимъ въ нее десятерыхъ. Несомнѣнно, гово-

рять, ощущение есть продукты нервной клѣтки ¹⁾). Точно также легко сказать: несомнѣнно, что вписанный кругъ больше описаннаго. Или, если скажутъ, что предполагаемая несомнѣнность стоитъ въ противорѣчii съ очевидностію: несомнѣнно, что солнце меньше той комнаты, въ которой я нахожусь. Предположеніе этой несомнѣнности стоитъ въ полномъ согласіи съ свидѣтельствомъ моихъ глазъ. Но какъ оно стоитъ въ противорѣчii со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ о дѣйствии солнца на землю, такъ предположеніе о томъ, что ощущение есть отправленіе нервовъ, стоитъ въ противорѣчii со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ о собственныхъ ощущеніяхъ и о механизмѣ и о химическомъ составѣ нервовъ. Нѣтъ механизма на землѣ, въ который если мы бросимъ золото, то получимъ алмазь. Но мы можемъ разсуждать, что такой механизмъ возможенъ. И золото и алмазь по гипотезѣ, предполагающей одну первоматерію, суть модификаціи этой первоматеріи. Подвергнувъ золото дѣйствию чудовищно-высокой температуры, мы распатаемъ его молекулы и приведемъ въ состояніе первоматеріи; охладивъ потомъ эту первоматерію какимъ-нибудь особеннымъ образомъ мы получимъ въ ней то сочетаніе частицъ, которое имѣемъ въ алмазѣ. При этомъ мы предполагаемъ, что если бы мы имѣли у себя при совершеніи этой операціи фантастически-совершенный микроскопъ, то мы увидѣли бы, что весь процессъ превращенія золота въ алмазь состоялъ въ томъ что частицы, совокупность которыхъ мы называли золотомъ, раздвинулись между собою нѣсколько дальше и размѣстились такъ что линіи, соединяющія ихъ, образовали новые углы между собою. Теперь бросимъ мыши шарикъ хлѣба, въ который закатанъ спичечный фосфоръ. Это обычный способъ, которымъ избавляются отъ этихъ нежеланныхъ и надоѣдливыхъ грызуновъ. Мышь съѣвъ шарикъ начнетъ чувствовать боль и жажду. Возьмемъ нашъ современный микроскопъ и мы увидимъ, какъ новыя частицы соединились въ организмѣ мыши съ старыми, увидимъ взаимоотношеніе всѣхъ частицъ и не увидимъ ничего похожаго на ощущение страданія, хотя по предположенію матеріалистической философіи, оно находится не только въ частицахъ, но и между ними, какъ при-

¹⁾ Это повторяютъ и понынѣ. См. наприм. въ августовской книжкѣ „Новаго Слова“ (1896 г.) статью Вагнера: «старые и новые пути въ біологіи». Какъ легко у нѣкоторыхъ людей исчезаютъ сомнѣнія!

тягивающая сила находится не только въ атомахъ, но и внѣ ихъ. Душа по этой странной философіи есть функція угловъ и разстояній или—сумма атомовъ. Гипотеза эта, конечно, принадлежитъ къ неудачнымъ, но ее умѣютъ излагать въ менѣе ясной формѣ, и она вслѣдствіе этого принимаетъ менѣе неправдоподобный видъ. Когда говорятъ, что сознание разлито во всеиъ существующемъ, что душа спитъ въ камняхъ, дремлетъ въ растеніяхъ, бодрствуетъ въ животныхъ, тогда забываютъ объ атомизмѣ, представленіе матеріи окутывается мистическою дымкою и такъ какъ за туманомъ можетъ скрываться что угодно, то и говорятъ, что подъ снѣжнымъ покровомъ Альпъ скрываются громадныя духовныя силы, которыя еще могутъ быть вызваны въ жизни. Нельзя сказать, чтобы не было фактовъ, которые ведутъ умы къ этому парадоксальному выводу. Наблюденіе показываетъ, что размноженіе происходитъ на счетъ питанія; поглащается матерія, размножаются души. При извѣстныхъ условіяхъ кусокъ матеріи получаетъ способность чувствовать какъ кусокъ желѣза, близъ котораго пропущенъ электрическій токъ, приобретаетъ магнетизмъ. Аналогія подсказываетъ мысль о сходствѣ этихъ явленій, а взаимная связь психической и тѣлесной жизни, параллелизмъ открывающійся между тою и другою, еще болѣе подтверждаетъ ее. Постоянный опытъ показываетъ, что ощущеніе можетъ являться лишь въ живой матеріи, а живая матерія происходитъ только отъ живой. Для объясненія первичнаго происхожденія живой матеріи повидимому требуется единичное чудо; для того, чтобы въ живой матеріи возникала психическая жизнь, требуются повидимому постоянныя чудеса. Яйцо курицы не обладаетъ способностью ощущеній, но подвергаясь въ теченіи трехъ недѣль дѣйствию опредѣленной теплоты, оно становится цыпленкомъ и начинаетъ чувствовать — хотя и въ слабой степени—удовольствіе и страданіе. Умъ человѣческій, любящій устанавливать между явленіями связь причинности, еще болѣе боится постояннаго чуда, чѣмъ единичнаго, и въ своемъ усердіи устранить мысль о чудѣ въ данномъ случаѣ прибѣгаетъ къ гипотезамъ настолько нелѣпымъ и несостоятельнымъ, что вѣра въ нихъ представляется своего рода чудомъ. Нужны ли наукѣ эти гипотезы, способныя затемнить наши познанія о матеріи и не могуція нисколько прояснить нашихъ представленій о духѣ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Это гипотезы материалистической философіи, но не положи-

тельной науки. Многие ученые охотно становятся под знамя материализма, серьезно думая, что под сѣнью этой философіи наука найдетъ радужный пріемъ и благопріятныя условія. Ихъ влечетъ на этотъ путь то обстоятельство, что материализмъ и положительныя науки имѣютъ одинъ методъ—эмпирическій, но эти ученые не хотятъ понять, что методъ вполне удобный для истолкованія полярныхъ сіяній совершенно не примѣнимъ для объясненія чувства долга. Если бы эти ученые пожелали вникнуть, то они бы увидѣли, что вопросъ нами обсуждаемый можетъ быть изслѣдуемъ, правда, не во всемъ своемъ объемѣ, но въ нѣкоторой части, независимо ни отъ какого *specto*. И если бы они пожелали продолжить разсмотрѣніе далѣе, то они убѣдились бы, что всѣ научныя изслѣдованія ни въ чемъ не имѣютъ для себя лучшаго побужденія, какъ въ вѣрованіяхъ религіи, и что ея благословенія служатъ для науки надежнѣйшей опорой.

Понятно, мы разумѣемъ христіанскую религію. Одною изъ цѣлей, которая руководила нами при составленіи очерка исторіи вопроса о происхожденіи жизни, было показать, что люди великаго ума и глубокой вѣры держались относительно него діаметрально противоположныхъ взглядовъ. Одни изъ нихъ признавали, другіе отрицали самозарожденіе. Изъ этого слѣдуетъ, что они не видѣли связи между этимъ вопросомъ и своими вѣрованіями и составляли рѣшеніе его не какъ выводъ изъ принциповъ, а на основаніи фактовъ и ихъ изслѣдованія. Можемъ ли мы теперь сказать, что знаемъ въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ они, и что усматриваемъ связь тамъ, гдѣ она ускользала отъ ихъ пронизательнаго взора? Нѣтъ, мы не осмѣлимся утверждать это. Тайна происхожденія жизни возвѣщена очень сжато въ Откровеніи, и то, что въ толкованіяхъ Откровенія есть безспорнаго, мало прибавляетъ къ богооткровенному повѣствованію. Мы сказали вначалѣ, что на землѣ должно различать три типа жизни: растительную, животную и человѣческую. Откровеніе различаетъ эти три типа и показываетъ, что происхожденіе ихъ было различнымъ, но какимъ именно оно было, объ этомъ оно говоритъ очень кратко. Откровеніе говоритъ намъ, что растенія явились на землѣ по Божественному повелѣнію; утверждая тоже о животныхъ, Оно прибавляетъ, что Богъ *сотворилъ* ихъ и наконецъ происхожденіе человѣка оно представляетъ особеннымъ творческимъ актомъ—исключительнымъ по своему

величію и своей торжественности. Въ порядкѣ возникновенія различныхъ формъ жизни Оно представляетъ такую послѣдовательность: растительность травянистая, растительность древесная, животныя водяныя и воздушныя, земноводныя и пресмыкающіяся, млекопитающія вообще, домашнія млекопитающія, человѣкъ. Педанты безъ сомнѣнія не могутъ быть довольны такою классификаціею, потому что они никогда не поймутъ, что классификація есть только мнемоническій приемъ, помогающій намъ запоминать явленія, а не отраженіе природы: въ природѣ ни существа, ни явленія не распадаются на классы. Но и педанты безъ сомнѣнія должны согласиться, что людямъ нужно предлагать только такія классификаціи, какія они могутъ понять, и что евреи времянъ Моисея едва ли могли овладѣть иною, чѣмъ та, которая имъ предложена въ первой главѣ книги Бытія. Принципъ дѣленія животныхъ и растений здѣсь тотъ, который былъ наиболѣе понятенъ людямъ древнихъ эпохъ, согласовался съ ихъ точкою зрѣнія на природу и отвѣчалъ ихъ отношеніямъ къ природѣ. Послѣдовательность здѣсь та же самая, которую предполагаютъ и отчасти знаютъ палеонтологи: отъ простаго къ сложному, отъ плѣсени къ дубу, отъ монеры къ человѣку. Но издавна поставленъ и доселѣ во всѣхъ частностяхъ не рѣшенъ вопросъ: была ли эта послѣдовательность только послѣдовательностью чудесъ или процессомъ естественнаго развитія? Вопросъ этотъ стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о томъ, какъ понимать «день» въ библейской исторіи творенія? Растенія явились въ третій, животныя и человѣкъ — въ пятый и шестой дни; если дни здѣсь понимать буквально, то тогда о естественномъ происхожденіи формъ жизни не можетъ быть и рѣчи. Мы имѣли уже случай говорить, что пониманіе «дня» въ буквальномъ смыслѣ никогда не было общепринятымъ, и что имѣются основанія для того, чтобы понимать подъ «днемъ» въ исторіи творенія долгій періодъ времени ¹⁾. Теперь только замѣтимъ: если бы твореніе совершалось и буквально въ шесть дней, палеонтологамъ не было бы нужды бросать свои изслѣдованія. Положимъ, лошадь была бы со-

¹⁾ См. въ „Чтеніяхъ въ обществѣ любителей д. просвѣщ.“ за 1893 г. № 1 „О происхожденіи и первобытномъ состояніи рода человѣческаго“ главу первую (глава эта не вошла въ составъ нашей книги подъ тѣмъ же заглавіемъ).

здана прямо взрослымъ животнымъ. Развѣ зоологъ не былъ бы вправѣ приписать ей четырехлѣтній возрастъ? Или если бы альпы мгновенно выдвинулись изъ подъ земли, развѣ геологъ не былъ бы вправѣ разсматривать ихъ какъ результатъ многотысячелѣтней дѣятельности тектонической силы внутренней теплоты и нивелирующаго вліянія воды и атмосферы? Всомогущество Божіе могло мгновенно вызвать къ бытію то, что въ природѣ могло бы образоваться по дѣйствію установленныхъ въ ней законѣвъ въ теченіе сотенъ тысячъ лѣтъ, но такъ какъ умъ человѣческій можетъ постигать лишь законы, а не чудеса, то, истолковывая явленіе изъ естественныхъ причинъ, онъ естественно долженъ обратиться къ гипотезѣ сотенъ тысячелѣтій. Всомогущество Божіе не нуждалось во времени для созданія вселенной, но едва ли несогласною съ представленіемъ этого всомогущества можетъ быть названа мысль, что первымъ актомъ творенія было созданіе такихъ принциповъ бытія, изъ которыхъ далѣе оно стало развиваться естественнымъ образомъ послѣдовательно и постепенно. И потомъ, когда оно достигало тѣхъ или иныхъ степеней развитія, творческимъ актомъ въ него вводились новыя начала. Нуженъ ли былъ новый творческій актъ для того, чтобы изъ земли появились растенія? Библія не даетъ намъ основаній утверждать это. И рече Богъ: да прораститъ земля быліе травное... и древо плодовитое... И изнесе земля быліе травное... и древо плодовитое» (Быт. I, 11 — 12). Повелѣніемъ Божіимъ былъ ли созданъ новый принципъ бытія, подъ воздѣйствіемъ котораго возникла и стала развиваться растительная жизнь, или по повелѣнію Божію то, что было въ землѣ изначала, только проявило себя, мы не знаемъ этого. Появленіе животныхъ на землѣ, какъ открываетъ намъ Библія далѣе, обусловливалось не только божественнымъ повелѣніемъ, но и сотвореніемъ. «И рече Богъ: да изведуть воды гады душъ живыхъ и птицы летающія... И сотвори Богъ киты великія и всяку душу животныхъ гадовъ... и всяку птицу... и рече Богъ, да изведетъ земля душу живу по роду... и сотвори Богъ звѣри земли по роду, и скоты по роду ихъ, и вся гады земли по роду ихъ» (Быт. I, 20—21, 24—25). Мы не думаемъ, чтобы это библейское повѣствованіе содержало отрицаніе естественнаго происхожденія животной жизни. Нѣтъ, эту жизнь изнесли изъ себя вода и земля, но то душевное начало, которое теперь соединилось

съ живымъ веществомъ, было создано Богомъ. Психическое начало, какъ и вещественное, должно было быть создано, а не могло возникнуть изъ земли и ни изъ какихъ матеріальныхъ элементовъ. Мы и видѣли, что науки о матеріи не могутъ вывести психическаго начала изъ своего матеріала, оно является, какъ особый придатокъ къ живой матеріи. Но какъ богословы прошедшаго допускали возможность образованія жабъ и ужей изъ тины, такъ и православные мыслители настоящаго не находятъ ничего предосудительнаго въ мысли, что разъ элементы матеріи будутъ приведены въ то сочетаніе, въ какомъ они находятся въ животномъ организмѣ, то психическое начало непременно съ ними ¹⁾, живое вещество притянетъ къ себѣ животную душу точно такъ же, какъ кусокъ магнита притягиваетъ къ себѣ желѣзные опилки. Выраженіе Библіи «по роду» нельзя считать непременно указывающимъ на то, что каждый животный родъ былъ вызванъ къ бытію особеннымъ творческимъ актомъ. Текстъ Библіи не устраняетъ мысли, что разнообразіе жизни могло послѣдовательно возникать изъ относительнаго однообразія. Какъ ни были малосвѣдущи люди древности, они во всякомъ случаѣ должны были знать, что одни и тѣ же растенія при однихъ условіяхъ могутъ стать травянистыми, при другихъ древесными, что домашнія животныя могутъ одичать и дикія могутъ стать домашними. Менѣе, чѣмъ люди недавняго прошлаго, они могли воздвигать границы между видами и родами, и ихъ смѣлое воображеніе, равно какъ и скудныя знанія легко могли устранять преграды между самыми отдаленными представителями животнаго и растительнаго царствъ. Поэтому и Откровеніе не могло имѣть свою цѣлю внушить имъ, что творческимъ актомъ созданы тѣ различія у животныхъ и у растеній, которыя отчасти по ихъ наблюденіямъ и отчасти по предположеніямъ легко могли возникать и уничтожаться естественно. Откровеніе только возвѣщало, что разнообразіе жизни обязано своимъ происхожденіемъ. принципу вызванному къ бытію Творцемъ.

Можно иначе толковать начало Божественнаго Откровенія, можно оспаривать взглядъ нами предлагаемый и замѣнять его другимъ, но никто не можетъ требовать, чтобы его взглядъ былъ принятъ, какъ обязательный. Это можетъ сдѣлать только

¹⁾ Снегиревъ, Психологія.

церковь, но церковь доселѣ не сдѣлала этого. Исслѣдователямъ вопроса о происхожденіи жизни представляется полная свобода: признаніе равно какъ и отрицаніе самозарожденія могутъ стоять въ согласіи съ какими угодно религіозными убѣжденіями и вѣрованіями. Вотъ, почему и негодованіе нѣкоторыхъ русскихъ исслѣдователей на мистицизмъ, будто бы тормозящій имъ свободу исслѣдованія, представляется намъ болѣе горячимъ, чѣмъ основательнымъ. Никто не преслѣдовалъ ихъ за ихъ научныя убѣжденія и, конечно, не религія виновата въ томъ, что они не сдѣлали въ науку вкладовъ, имѣющихъ цѣнность. Даже и въ вопросѣ, по которому ученіе вѣры устраняетъ возможность разнорѣчія и произвольныхъ гипотезъ — мы разумѣемъ вопросъ о происхожденіи человѣка — никто не препятствовалъ въ Россіи ученымъ держаться взгляда несогласнаго съ религіей. Съ доводами въ защиту теоріи естественнаго происхожденія человѣка русскому обществу нѣтъ нужды знакомиться контрбанднымъ путемъ: оно можетъ находить ихъ и въ учебныхъ курсахъ, и въ монографіяхъ и въ журнальныхъ статьяхъ. О чемъ же сѣтуютъ наши ученые? Зачѣмъ, защищая свои гипотезы отъ нападенія противниковъ, которыхъ они любезно называютъ невѣждами и обскурантами и въ лучшемъ случаѣ хвастливыми диллетантами, они постоянно упоминаютъ о Коперникѣ и Галилеѣ, которымъ скромно уподобляютъ себя, какъ мучениковъ за идеи? Не лучше ли оставить въ покоѣ тѣхъ великихъ астрономовъ? Всякое дѣло идетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ менѣе отъ него отвлекаются въ сторону, и исслѣдованія по ботаникѣ и минералогіи только выиграютъ, если въ нихъ не будутъ впутываться странныя разсужденія о мистикахъ и обскурантахъ.

Эти нервныя выходки противъ убѣжденій, стоящихъ очень далеко отъ вопросовъ о кристаллахъ и бѣлковыхъ веществахъ, имѣютъ, какъ мы говорили, своимъ источникомъ взглядъ, что религіозныя вѣрованія вообще представляютъ собою тормазъ для всякаго научнаго развитія. А этотъ взглядъ представляетъ собою одностороннее и поспѣшное обобщеніе нѣкоторыхъ явленій, бывшихъ на западѣ. Но эти явленія были данью эпохѣ, а не религіи. Чтобы правильно оцѣнить взаимоотношеніе религіи и науки, нѣтъ нужды останавливаться надъ тѣмъ, что дѣлалось подъ знаменемъ той и другой, но должно выяснить, чему учать и къ чему призываютъ та и другая.

Наука ищетъ истины, религія ободряетъ человѣка въ этомъ исканіи, она учитъ человѣка, что онъ долженъ узнать истину и въ концѣ концовъ будетъ владѣть ею. Говорятъ, что религія предполагаетъ истину познанной и тѣмъ отрицаетъ нужду въ научныхъ изысканіяхъ. Это — не правда. Религія учитъ человѣка, какъ онъ долженъ вести себя, она возвѣщаетъ ему правила нравственнаго поведенія, но не открываетъ ему законовъ природы. Относительно послѣднихъ религія говоритъ ему, что они существуютъ. Все сотворено числомъ, мѣрою и вѣсомъ. Это было сказано гораздо ранѣе, чѣмъ были измѣрены разстоянія между свѣтилами, чѣмъ былъ опредѣленъ объемъ земли, и голову Ньютона осѣнила мысль о всемірномъ тяготѣніи. Религія говоритъ человѣку, что Творецъ природы всемогущъ, премудръ и всеблагъ. Человѣкъ долженъ изучать природу, чтобы познать создавшаго ее Художника. Одно изъ свойствъ премудрости заключается въ томъ, чтобы достигать великихъ цѣлей простыми средствами. Это ведетъ къ предположенію, что все разнообразіе явленій вселенной имѣетъ въ своей основѣ немногіе, высшіе законы, изъ которыхъ оно можетъ быть истолковано. Это предположеніе руководитъ учеными въ ихъ изысканіяхъ. Уже школьники испытываютъ истинное удовольствіе, когда имъ выяснять, что какое-либо сложное и цѣлесообразное явленіе имѣетъ для себя очень простую основу. Это благородное удовольствіе имѣетъ своимъ источникомъ сознаніе премудрости устройства существующаго. Въ ботаникѣ выяснена поразительная цѣлесообразность открывающаяся въ процессахъ оплодотворенія. Оказывается, что роскошная красота цвѣтовъ, доставляющая намъ столько наслажденія, обезпечиваетъ растеніямъ размноженіе и полезна насѣкомымъ въ дѣлѣ отыскиванія пищи. Это дало поводъ нѣкоторымъ ботаникамъ, наприм., Тимирязеву ¹⁾ поглумиться надъ тѣмъ разочарованіемъ, которое естествознаніе принесло людямъ, показавъ, что цвѣты существуютъ не для нихъ. Странные люди эти—ботаники, они повидимому способны испытать разочарованіе отъ мысли, что солнце, дающее имъ тепло и свѣтъ, даетъ ихъ не однимъ имъ. Но это ихъ дѣло. Ботаника не открыла, для кого и для чего существуютъ цвѣты, она только отчасти выяснила, какъ они размножаются, и конечно для человѣка, который смотритъ на цвѣты не съ цѣлію по-

¹⁾ *Тимирязевъ*, „Жизнь растенія“. 4-е изданіе. 1896 г., стр. 224.

бить ими кого-то и за что-то, но съ цѣлью получить наслажденіе, это наслажденіе только усилится, когда онъ увидитъ въ цвѣтахъ соединенную съ красотой разумность. Красота и разумность! Природа была создана съ этими свойствами, конечно, не для того, чтобы человѣкъ отъ нея отвертывался. И гдѣ и когда религія запрещала размышлять о премудромъ устройствѣ вселенной и наслаждаться ея красотой?

Говорятъ, что религія учитъ о чудесахъ, а наука знаетъ только законы. Но что представляютъ собою чудеса? Сверхъестественное поправленіе разстроеннаго порядка природы. Разстроеннаго кѣмъ? Созданными Творцомъ свободными тварями. Свобода есть даръ благодати Божіей, злоупотребленіе ею ведетъ ко злу. Это зло Промыслъ пресѣкаетъ или направляетъ къ добрымъ послѣдствіямъ. Чудеса суть средства для такихъ цѣлей. Но должно помнить, что промыслъ не насилуетъ свободы человѣческой и что для своихъ благихъ цѣлей онъ употребляетъ наилучшія, а вмѣстѣ, значить, и наипростѣйшія средства. Это такъ ограничиваетъ сферу чудеснаго, что для изслѣдователей естественнаго остается необозримый просторъ. Между тѣмъ они, выступивъ на этотъ просторъ, начинаютъ жаловаться, что ихъ стѣсняютъ. Что же стѣсняетъ ихъ? Ученіе о чудесахъ, которое, не полагая ограниченія пытливости человѣческаго ума, успокоиваетъ человѣческое сердце общаніемъ торжества добра. Это ученіе является камнемъ, о который сокрушаются ихъ силы и при видѣ котораго у нихъ опускаются безпомощно руки. Но для людей болѣе глубоко всматривающихся въ вещи этотъ камень будетъ всегда неизблемою опорою въ жизни.

Наука для своего развитія требуетъ много благопріятныхъ условій. Однимъ изъ нихъ является то, чтобы общество, въ которомъ существуетъ наука, стояло не ниже нѣкотораго нравственнаго уровня. Чѣмъ выше общество въ нравственномъ отношеніи, тѣмъ удобнѣе въ немъ развиваться наукѣ. Но опору для нравственности даетъ религія. Никакая наука не даетъ побужденій и основаній для нравственности. Никакая наука не можетъ показать человѣку, что онъ долженъ чувствовать благоговѣніе къ Богу, почтеніе къ старшимъ, любовь къ равнымъ, жалость къ слабѣйшимъ. Религія говоритъ человѣку, что любовь есть нравственный принципъ жизни, осуществленіе котораго имѣетъ своимъ результатомъ блаженство; для людей малоразвитыхъ религія указываетъ побужденіе къ

нравственной дѣятельности въ ученіи о загробномъ мздовоздаяніи.

Но многіе люди науки предпочитаютъ бѣжать подь сѣнь безрелигіозной философіи и отвращаются отъ религіи. Что же даетъ имъ ихъ философія? Прежде всего она говоритъ имъ, что занятія наукой безцѣльны. Человѣкъ никогда не узнаетъ истины, и человѣчество уничтожится, не узнавъ ничего кромѣ ограниченного круга явленій. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ пытаться проникнуть за завѣсу, проникнуть за которую невозможно? Но отнимая побужденія для научныхъ изслѣдованій, философія безъ религіи лишаетъ науку и благопріятныхъ условій для своего развитія въ нравственныхъ устояхъ общества, она колеблетъ эти устои, потому что отнимаетъ у нихъ смыслъ. Напрасно говорить о добродѣтельныхъ атеистахъ, о томъ, что пониженіе религіозности соединяется съ повышеніемъ умственного развитія и общественнаго благополучія. Если въ исторіи человѣчества и имѣютъ мѣсто такія явленія, то они представляютъ собою то, что эволюціонисты вѣрно—хотя и варварски назвали—пережитками. Благопріятный для общественнаго и научнаго развитія нравственный уровень можетъ существовать нѣкоторое время и послѣ того, какъ исчезнутъ основы морали, но затѣмъ онъ начнетъ падать, какъ падаетъ уровень рѣки послѣ половодья. Преграда, стоящая между желаніями и исполненіями и именуемая нравственнымъ закономъ, постепенно будетъ расшатываться и падать. Побужденія притворятся нравственнымъ тоже исчезнуть. Было ли что-нибудь подобное въ исторіи міра? Да, было. Будетъ ли опять? Мы не знаемъ этого. Но если дѣйствительно въ будущемъ предстоитъ торжествовать атеистической философіи, то это торжество не будетъ праздникомъ науки. Безкорыстное искаженіе истины, именуемое наукою, исчезнетъ съ лица земли прежде, чѣмъ на землѣ затворятся двери послѣдней церкви.

С. Глаголевъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки